

Евгений Соколов
Екатерина Соколова

Колодцы. Materia Prima

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЕВГЕНИЙ СОКОЛОВ

Колодцы. Materia Prima

«Автор»

2026

Соколов Е.

Колодцы. *Materia Prima* / Е. Соколов — «Автор», 2026

2060-е. После экологического коллапса миром правят корпорации. Элита живёт под чистым куполом, остальные задыхаются в токсичном «Смоге». Тайный орден «Наследников» поклоняется тёмной сущности — Великому Номинатору. Их цель — переформатировать реальность с помощью энергии эфира и кометы «Блэк Орхид». Главный инструмент — Дима, микробиолог-неудачник, чьи видения оказались ключом к управлению первоматерией. Дима попадает в корпорацию «К-Био», но случайно раскрывает жуткие эксперименты над эмбрионами. В бегах его спасает загадочный технократ Ден Брага, который убеждает Диму, что его дар спасёт мир. Дима начинает рассеивать эфир, не зная, что это уничтожает Землю и приближает приход Номинатора. Когда правда открывается, Диме приходится бежать. Единственный шанс — поверить в себя и использовать силу эфира не для разрушения, а для защиты мира. Но успеет ли он? Роман о том, что даже в мире тотального контроля вера, надежда и любовь остаются единственной реальной силой.

© Соколов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сон и явь	5
Глава 2: Неоновый Ад и Синие Головы	11
Гл	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Екатерина Соколова, Евгений Соколов

Колодцы. Materia Prima

Глава 1. Сон и явь

Дождь. Вечный, кислотный дождь Ново-Москвы. Он стекал по грязным неоновым вывескам гигантских корп-башен, смешиваясь со смогом в ядовитую взвесь, отравляющую воздух и души. С высоты птичьего полета, сквозь мерцающий цифровой туман спутниковых помех, виделся лишь клочок грязного моря и полоса мертвого пляжа, отравленного промышленными стоками. По нему, как призрак, брел голый мужчина. Его тело, покрытое имплантами-татуировками, светилось тусклым биолюминесцентным сиянием. Впереди, вопреки всем законам логистики мегаполиса, возвышался древний каменный колодец. Неестественный. Архаичный. Он излучал слабое пульсирующее свечение, словно фантомный радар.

Мужчина подошел, наклонился над черной бездной. И тогда колодец взревел. Не звук, а вибрация, содрогающая пространство. Мужчину засосало вниз не силой гравитации, а как будто сам вакуум реальности разверзся. Бесконечное падение сквозь вихрь искаженных световых спектров и искр статики. Лишь на мгновения в безумном калейдоскопе мелькало его лицо, искаженное цифровым артефактом ужаса: не лицо, а маска чистейшего, первобытного страха перед Неизвестным. Вокруг проносились не искры, а фрагменты кода, обрывки зашифрованных сообщений, голографические проекции неведомых миров. Полосы света – это лазеры сканирующих матриц невидимых дронов в темноте между мирами.

[Студия] 08:15

Запах дешевого синтетического кофе, вьевшейся пыли и старой электроники намертво застрял в моей крошечной студии-капсуле. Свет неоновой рекламы снаружи, пробиваясь сквозь жалюзи с отвалившимися сенсорами, разрисовывал стены полосатыми тенями. Я лежал на узкой койке, встроенной в стену. Тело было покрыто холодным, липким потом, несмотря на слабое гудение климат-контроля. Виртуальный будильник в чипе за ухом бесшумно отсчитывал последние секунды до конца кошмара. Веки дернулись. Открылись. Глаза, плававшие от недосыпа и долгого вчерашнего серфинга по глубинным сетям, метнулись по знакомым, обшарпанным обоям.

- Опять этот бредятник! – простонал я. Голос мой, но искаженный статикой нейрочипа.

С трудом поднялся, каждая мышца ныла, словно перегруженный сервер. Подошел к микрораковине. Вода, бегущая по ржавым трубам, была едва теплой. Швырнул себе в лицо несколько горстей, пытаюсь смыть остатки сна. Лицо вытер обрывком синтетической ткани. Взгляд поймал голографическое время на стене: 08:15. По меркам корпоративного рабства – уже катастрофа. Схватился за голову, чип за ухом на мгновение вспыхнул горячей иглой.

- Нееееет! Только не сегодня! – протяжно простонал я в пустоту капсулы.

И дальше все понеслось, как запрограммированный таймлапс. Умылся – быстро. Почистил зубы – синтетической пастой, едкой и мятной. Сунул дешевый кофе-аппарат в гнездо энергоячейки. Натянул поношенные неопреновые джинсы, пиджак из дешевого самоочищающегося нановолокна, которое давно забыло, как чиститься, туго затянул узкий галстук-провод, ведущий к карману – для подпитки чипа или данных, какая разница. Вынул ёмкость со сбывшим кофе из искрящегося индукционного кофе-аппарата, налил в треснувшую керамику, отхлебнул – обжегся. Лицо дернулось от боли. Схватил ультратонкий углепластиковый планшет-портфель. Резко повернулся к двери – и... Мне на спину прыгнул Пузо. Не просто кот. Гибрид. Один глаз – живой, зеленый, другой – красный сенсор, медленно мерцающий. На шее – простой ошейник-трекер. Я аккуратно, но быстро снял его. Пузо – единственный выживший

свидетель того, как погибли мои родители. Сколько ночей я не спал, пока он приходил в себя после катастрофы. Да, он стал наполовину киборгом, но он всё ещё жив, и всё ещё мой любимый кот.

- Да, да, Пузо! Спасибо, что напомнил! – буркнул я, высыпая из пакетика синтетический питательный гель в миску. Распахнул дверь и выскочил на лестничную площадку, где гул вентиляции смешивался с воем сирен где-то внизу.

Пластик стен лестничной клетки был покрыт граффити хакеров и затертыми корпоративными лого. Воздух вибрировал от чужого баса. Скрипнули несмазанные гидравлики соседней двери. Появилась голова Зинаиды Борисовны. Лицо ее освещалось голубоватым светом голопроектора на шее. Под стеганым халатом с капюшоном угадывались провода, ведущие к слуховому импланту.

- Дима! – ее голос, усиленный дешевым вокодером, скрипучий и пронзительный, разрезал гул. – Нейросеть напомнила – долг за капсулу! Две недели просрочки! Проценты каплют!

Я уже несея вниз по ржавым металлическим ступеням.

- Помню, Зинаида Борисовна! Скоро! – крикнул я, не оборачиваясь, и мой голос отдался эхом в бетонной шахте.

- Дима! – ее крик преследовал меня, вокодер зашипел от усилия. – Трекер работы активен? Нашел контракт?

- Сегодня собеседование! В "К-Био"! Большая рыба! – выкрикнул я снизу, заглушаемый нарастающим гулом города.

- Ну-ну, – услышал я в ответ. Ее голопроектор, мелькнув в поле зрения краем глаза, замигал тревожным желтым. – Ай! Карлик! Мой карлик! Где чип безопасности?!

Ее причитания на смеси русского и цифрового сленга оборвались громким хлопком двери и щелчками автоматических засовов.

Я выскочил из арки уродливого жилого комбината прямо в неоновое месиво улицы. Воздух был густ от смога и мерцающих голограмм, которые проецировали дроны. Подбежал к краю тротуара, сканируя глазами ближайшие электрокары и автобусы – ищу попутку через приложение. На дороге – полный коллапс. Электромобили и левитирующие грузовики стояли почти на месте, водители били в виртуальные клаксоны, их ругань доносилась через внешние динамики как белый цифровой шум. Выдернул из кармана свой дешевый комлинк с паутиной трещин на экране. Пальцы мелькали, запуская пиратское приложение поиска попуток. Ничего. С раздражением махнул рукой и нырнул в поток пешеходов, натягивая капюшон против вечного кислотного дризла.

[...]

Архив 7-Δ. Краткая история периода Великого Перелома (2030-2060 гг.)

Классификация: ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ (Уровень "Неофит")

Экологический коллапс и новая карта мира.

Конец 2030-х ознаменовался не «большим взрывом», а «большим угасанием». Цепная реакция климатических точек невозврата привела к необратимым изменениям. Ответом человечества стал отказ от спасения планеты в пользу спасения островков цивилизации, что привело к жесткому функциональному зонированию территории.

а)

Мегалополисы-крепости (Ново-Москва, Ново-Шанхай, Пан-Евро-Полис): огромные урбанизированные зоны, где сконцентрировано основное население. Ново-Москва — один из них. Гигантский купол над историческим центром и деловыми районами («Купол») обеспечивал элите чистый, отфильтрованный воздух. Остальной город, «Подкуполье» или «Смог», был

брошен на произвол судьбы. Здесь, в вечных сумерках под ядовитым небом, среди паутины неоновых реклам и гудящих вентиляционных шахт, и ютилось 85% населения.

b)

Рекреационные зоны («Оазисы» или «Заповедники»): чтобы поддерживать психологическое здоровье и физиологию элиты, корпорации выкупили и герметизировали последние относительно чистые уголки планеты. Это были закрытые, тщательно охраняемые территории под гигантскими куполами-биомами, где искусственно поддерживалась среда, имитирующая доколлассную природу.

Лазурный Берег: искусственное Средиземноморье с отфильтрованной морской водой и регулируемым климатом.

Красное Море: курорт для дайвинга среди коралловых рифов, выращенных в лабораториях «К-Био».

Альпийские Луга: зона для горного отдыха с идеальным снегом и чистым воздухом.

Доступ в эти зоны был исключительно по корпоративным пропускам высшего уровня. Для «винтика» или «каблука» увидеть их можно было только в голографических рекламных роликах, пропагандирующих успех «К-Био».

c)

Зоны Аномальной Активности (ЗАА) или «Места Силы»: в процессе глобального катаклизма и последовавших геофизических сдвигов были выявлены и закартографированы уникальные локации, демонстрирующие необъяснимые с точки зрения стандартной науки аномалии. Уровень фонового пси-излучения, гравитационные колебания и искажения пространства-времени в этих точках многократно превышали норму. Корпорации, в первую очередь «К-Био» и их тайный партнер — Клуб Любителей Орхидей, быстро осознали их потенциал и объявили эти зоны своими закрытыми исследовательскими полигонами.

Ангкор-Ват (Камбоджа): гигантский храмовый комплекс был накрыт куполом, скрывающим его от спутников. Слухи, просачивающиеся от наемников, работавших на периметре, гласили, что его стены испещрены не древними барельефами, а растущими, словно живые, кристаллическими структурами, излучающими низкочастотный гул. «К-Био» изучала возможность использования этих структур в качестве природных резонаторов для проекции нейроволн на большие расстояния.

Остров Пасхи (Рапа-Нуи): остров был объявлен карантинной зоной после «вспышки неизвестного патогена». На самом деле, «К-Био» проводила там эксперименты по взаимодействию с энергетическими потоками, фокусируемыми знаменитыми моаи. Говорили, что в определенные дни, которые корпоративные шаманы называли «днями синхронизации», каменные истуканы начинали светиться изнутри, а между ними открывались нестабильные пространственные коридоры.

Тунгусский полигон (Россия): место падения Тунгусского метеорита было превращено в самый секретный научный объект. Исследования показали, что почва и породы здесь содержат уникальные сверхпроводящие элементы внеземного происхождения. Лаборатории, уходящие на несколько километров вглубь, изучали природу «Тунгусского феномена» — гигантского выброса энергии, который, по мнению ученых «К-Био», был не взрывом, а «разрезом» в ткани реальности, до сих пор не затянувшимся до конца.

Город Богов (Теотиуакан, Мексика) и Пирамиды Гизы (Египет): эти и другие древние культовые центры были выкуплены или захвачены корпорациями под предлогом их сохранения. На самом деле, исследования были сосредоточены на их геометрии, которая, как выяснилось, позволяла накапливать и усиливать те самые энергетические потоки, которые Дима

видел через очки Браги. Ритуалы Клуба Орхидей часто проводились в точных голографических копиях этих мест, чтобы усилить их эффективность.

Места Силы стали новыми нефтяными вышками и золотыми приисками эпохи, источником не физических, а метафизических ресурсов, борьба за которые шла в тени, с помощью шпионажа, предательства и тихих убийств. Именно с этими местами, как предполагается, связаны «колодцы» Ново-Москвы, являющиеся, возможно, искусственными или пробужденными репликами этих природных аномалий.

d)

Автономные сельскохозяйственные зоны ("Агро-Комбинаты"): Производство пищи было полностью роботизировано и вынесено за пределы мегаполисов. Это были гигантские вертикальные фермы и горизонтальные поля под куполами, обслуживаемые армией дронов-сеятелей, роботов-сборщиков и автономных систем логистики. Человеческий персонал был сведен к минимуму — несколько техников-надзирателей, живущих на изолированных станциях. Здесь производилась как дешевая "синтетика" для плебса, так и настоящие "натуральные пайки" для элиты. Контроль над этими комбинатами был равносителен контролю над жизнью и смертью миллионов.

e)

Промышленные зоны ("Рудники" или "Индастриал-Парки"): "Грязные" и опасные производства были также полностью автоматизированы и сосредоточены в специальных зонах, часто расположенных в самых экологически неблагополучных регионах. Эти территории были покрыты сложнейшей паутиной трубопроводов, реакторов и энергетических установок, мигающими огнями и дымящими трубами. Людей здесь не было — только ремонтные дроны и дистанционные операторы из комфортных центров управления в "Куполах". Эти зоны были главными источниками загрязнения, но необходимость в их продукции делала их неприкасаемыми.

Глобальная архитектура власти: Торговый Альянс Мегаполисов (ТАМ)

После распада национальных государств как основной политической силы, для управления глобальными потоками ресурсов и подавления региональных конфликтов был создан Торговый Альянс Мегаполисов (ТАМ). Де-юре — это экономический союз. Де-факто — мировое правительство корпоратократии, обладающее собственным законодательством, судебной системой и аппаратом принуждения.

Структура управления: Высшим органом является Совет Стабилизации, состоящий из председателей правлений крупнейших корпораций-участниц (включая "К-Био"). Решения Совета являются обязательными для исполнения на всей территории Альянса.

Федеративная модель: ТАМ разделен на региональные бранчи (Евробранч, Азиатско-Тихоокеанский бранч, Американский бранч и т.д.), каждый из которых обладает автономией в решении локальных вопросов, но подчиняется стратегическим директивам центрального Совета.

Военный кулак Альянса: ОВСТАМ

Для защиты корпоративных активов, обеспечения безопасности торговых путей и проведения "миротворческих" операций в неподконтрольных регионах был создан Объединенные Вооруженные Силы Торгового Альянса (ОВСТАМ).

Комплектование: Формируется из контингентов, предоставленных частными военными компаниями (ЧВК) и корпоративными службами безопасности участников Альянса.

Технологическое превосходство: ОВСТАМ обладает приоритетным доступом к последним разработкам в области робототехники, биологического оружия, кибернетики и систем подавления. Подразделения ОВСТАМ — это киборгизированные солдаты, управляемые дроны

и роботы-танки, аналогичные тем, что были использованы для ликвидации нарушителя в Ново-Москве (Инцидент Δ-74).

Верховный главнокомандующий: Командующим ОВСТАМ является генерал Бобров. Он прошел путь от командира ЧВК "Щит-Индастриз" до вершины военной иерархии Альянса. Его лояльность Совету Наследников не вызывает сомнений, а эффективность в проведении "зачисток" сделала его ключевым активом в обеспечении глобальной стабильности, необходимой для реализации проекта "Колодец". Генерал Бобров координирует действия всех региональных бригад ОВСТАМ, обеспечивая безусловное выполнение воли Совета на всей планете.

Создание ТАМ и ОВСТАМ стало финальным шагом в переходе от эпохи национальных государств к эре абсолютного господства корпоратократии. Этот альянс является тем каркасом, который удерживает фрагментированный мир от окончательного хаоса, обеспечивая управляемый, прогнозируемый и, что самое главное, прибыльный порядок, в котором Наследники занимают положенное им место у руля.

Великое Расслоение: от социального неравенства к биологическому детерминизму.

Экономический кризис, последовавший за экологическим, добил старую систему. Национальные государства, ослабленные, передали свои полномочия корпоративным конгломератам, обладавшим ресурсами, технологиями и частными армиями. Так родилась Корпоратократия.

Общество разделилось на три страты:

Элита (или "Купол"): Топ-менеджеры корпораций, ведущие ученые, политическая верхушка. Проживают в экранированных от смога небоскребах под куполом или в закрытых эко-анклавах. Имеют неограниченный доступ к чистой воде, пище, воздуху и, что главное, — к биомодификациям.

Сервис-класс ("Винтики"): Инженеры, программисты, низший управленческий персонал, квалифицированные рабочие. Живут в "Смоге", но имеют стабильные контракты, доступ к базовой медицине и страхованию. Их цель — заработать достаточно, чтобы купить себе и детям "апгрейд" и иметь шанс подняться выше.

Плебс ("Каблуки" или "Пыль"): Большинство. Неквалифицированные рабочие, безработные, обитатели трущоб. Существуют за счет синтетической еды (продукция "К-Био"), дешевого синтетического алкоголя и наркотиков. Живут по принципу "день прошел — и ладно". Для них импланты — несбыточная мечта или кабала (см. "Кредитное рабство").

Ключевым инструментом контроля стал нейрочип "Цифра". Изначально внедрявшийся как универсальный паспорт, платежное средство и доступ к сети, он быстро превратился в инструмент тотального наблюдения. Корпорации в реальном времени могут отслеживать локацию, физиологические показатели и, что самое главное, — эмоциональный фон и лояльность сотрудников. У "каблуков" — простейшие чипы-идентификаторы. У "винтиков" — чипы с доступом к корпоративным сетям. У элиты — кастомные, защищенные импланты с функциями усиления интеллекта и блокировки внешнего сканирования.

Космос: от мечты к корпоративному карьеру.

С государственными космическими программами было покончено. МКС сошла с орбиты, новые лунные и марсианские миссии оказались не по карману разоренным правительствам. Космос стал новой "дикой землей" для корпораций.

Орбита Земли: Усеяна частными спутниками-шпионами, добывающими платформами (добыча редких элементов из астероидов) и "заводными" станциями, где в условиях нулевой гравитации производят высокотехнологичные чипы и биоматериалы. Рабочие на этих станциях — фактически рабы, работающие по 20-летним контрактам.

Луна: "К-Био" и ей подобные тайно возродили советские и американские базы, превратив их в секретные исследовательские центры ("Кронос-1"). Здесь проводят запрещенные на

Земле генетические эксперименты, испытывают биологическое оружие и, по слухам, строят "ковчеги" для элиты на случай полного коллапса на планете.

"Звездные войны" велись не между странами, а между корпорациями — тихо, с помощью кибератак и диверсий, без объявления войн.

Психика эпохи смога: цифровой психоз и ностальгия по аналогу.

Психическое здоровье человечества стало товаром. Постоянный стресс от жизни в перенаселенном, отравленном городе, информационная перегрузка, тотальная слежка и социальное неравенство породили новые формы расстройств:

Цифровой психоз (Digital Psychosis, "Дипси"): Нарушение способности отличать реальность от голографических проекций и нейроинтерфейса. В тяжелой форме приводит к кататонии или фатальным ошибкам в реальном мире (например, попытка "пройти сквозь" реальную стену, приняв ее за голограмму).

Синдром аналоговой ностальгии ("Аналог-блюз"): Тоска по миру, который был до "Великого Перелома". Выражается в коллекционировании старых, "аналоговых" вещей (книги, виниловые пластинки), уходе в виртуальные симуляции "старого мира" и неприятии новых технологий. Зинаида Борисовна — классический пример.

Энергетический вампиризм (социальный феномен): В обществе, где каждый борется за ресурсы, сформировался тип людей, которые выживают, подпитываясь не физической, а социальной и психологической энергией других. Они — мастера манипуляций, интриг и корпоративных игр.

Импланты: обещанный рай и суровая реальность.

Импланты стали символом статуса и единственным способом "остаться на плаву" в новом мире. Но за это пришлось заплатить высокую цену.

Что они дали:

Прямой интерфейс с машинами: Ускорение работы с данными.

Улучшенные сенсоры: Ночное зрение, слух, обоняние.

Биомониторинг: Контроль здоровья в реальном времени.

Нейроусиление: Ускоренное обучение, улучшенная память (для элиты).

Коммуникация: Прямая нейросвязь (дорого и нестабильно).

Осложнения и темная сторона:

Киберпсихоз: Острая форма "Дипси", когда психика не выдерживает контакта с машиной. Проявляется как паранойя, галлюцинации, неконтролируемая агрессия. Частая причина "чисток", проводимых корп-секами.

"Отторжение чипа": Иммунная система атакует имплант. Вызывает хронические воспаления, неврологические боли, вплоть до летального исхода. Лечение — дорогостоящее и доступно только элите.

Виртуальная зависимость: Люди предпочитают яркий, контролируемый цифровой мир серой и опасной реальности. Теряют связь с физическим телом.

Кредитное рабство: Большинство не может купить импланты сразу. Они берут их в кредит у корпораций. Невыплата долга ведет к принудительному отключению импланта (что может быть смертельно для некоторых) или к "отработке" на самых опасных и унизительных работах. Твое тело становится собственностью корпорации.

Уязвимость: Чип можно взломать. Хакеры могут украсть данные, вызвать болевой шок, парализовать тело или даже стереть личность. Элита живет в постоянном страхе перед "нейро-киллерами".

Конец документа. Расшифровке и публикации в открытом доступе не подлежит.

Глава 2: Неоновый Ад и Синие Головы

Дождь сек по крышам из вторичного прессованного композита и по пластиковым фасадам небоскребов, превращая 34-Ц улицу в мерцающую реку кислотного света. Рекламы голограмм – полураздетые андроиды, синтетические курорты, кристаллы «НейроБлисс» – пульсировали сквозь водяную пелену, отражаясь в лужах, где плавали обрывки энергетических батончиков и битый чип.

Дима бежал. Его дешевый синтетический пиджак промок насквозь, впитывая не только дождь, но и запах выхлопов и разлагающейся органики из вентиляционных решёток под тротуаром. Люди – точнее, их силуэты в дешёвых пластиковых пончо или с встроенными в кожу гидроизоляционными нанопокровтиями – сливались в серую, враждебную массу, движущуюся навстречу. Он врезался плечом в кого-то твердого, металлического под тканью. Прохожий даже не оглянулся, лишь его оптический имплант на затылке мелькнул холодным синим.

- Прости! – выдохнул Дима, но его голос потонул в грохоте маглева над головой и рёве сирен дальнего патруля. Он не останавливался. На перекрестке, над пешеходным переходом, висел гигантский дисплей. Красный глаз светофора. Обратный отсчет: 18... 17... 16... Цифры плыли в потоках дождя. Дима посмотрел на хронометр, вшитый в манжету пиджака – 8:27. Опоздание на собеседование в «К-Био» было смерти подобно. Шанс вырваться из кредитной кабалы, из этой помойки. Его нейроимплант, дешевая подделка, занял слабой болью – предупреждение о стрессе.

- Опять этот нейрошум, – подумал он с отвращением, вспоминая утренний кошмар – падение в бездну колодца, искры, искаженное лицо ужаса. Глюк. Дешевый софт, дешевая жизнь.

16 секунд. 15. Сердце колотилось о ребра. Дима взглянул на красный глаз, на бесконечную пробку ревущих электрокаров и грузовых дронов над ней. Инстинкт самосохранения сжался в комок. Разум, затуманенный адреналином и усталостью, дал сбой. Он сорвался с места.

Первые шаги по мокрому асфальту. Потом – рев двигателя, визг тормозов, слепящий свет фар прямо в лицо. Что-то огромное, черное, с шипящими гидравликой амортизаторами, метнулось в сторону, едва не срезав его. Удар. Небольшой, но оглушающий. Бампер электрокара чиркнул по его бедру, отбросив на центр перехода. Он упал на колени, прижимая к груди тощий портфель из нанопластика – единственное свидетельство его претензий на "белый воротничок". Грязь и дождевая вода мгновенно пропитали брюки.

Дверь черного лимузина распахнулась. Оттуда вышла девушка. Высокая, в идеально сидящем черном костюме, с лицом, как у голографической модели из рекламы элитных клонов. Единственное, что выдавало в ней человека – темные, абсолютно непроницаемые очки, скрывающие взгляд. На висках у нее мерцали тонкие линии имплантов. Она не промокла ни капли – над ней дрожал слабый силовой экран, отбивающий дождь.

- Идиот! Придурок! Больной! Козёл! – ее голос, чистый и ледяной, как скальпель, резанул сквозь шум улицы, не нуждаясь в усилителе. В руке у нее был пластиковый стакан. Без тени эмоции на лице она швырнула его. Стакан угодил Диме в плечо. Горячий синтетический кофе брызнул на рукав пиджака, оставив темное маслянистое пятно и жгучий запах химии.

Дима автоматически склонил голову, старый рефлекс униженного – виноват, прости, не трожь. Поднялся, отряхивая рукав. Портфель сунул под мышку, стараясь прикрыть пятно. Сердце бешено колотилось, стыд и ярость смешивались в комок в горле. Он сделал шаг к тротуару.

Его схватили. Худая, костлявая рука в лохмотьях из водонепроницаемой, но давно разорванной ткани вцепилась в его запястье с силой, несоразмерной хрупкой фигуре. Дима вздрог-

нул. Перед ним стояла старуха. Лицо, изборожденное глубокими морщинами и сетью старых шрамов, казалось вырезанным из старого дерева. Ее глаза, мутные и белесые, возможно, слепые, смотрели сквозь него. Из-под грязного платка торчали клочья седых волос. От нее пахло сыростью, дешевым антисептиком и чем-то электрическим, озоновым.

- Синяя голова! Синяя голова! – зашипела она, ее голос был скрипучим, как ржавая арматура. Ее пальцы, холодные и цепкие, как стальные крючья, впились в его кожу.

Дима попытался вырваться.

- Кто вы? Отцепитесь! – его голос дрожал. Он кое-как оторвал ее руку, чувствуя под пальцами странную твердость костей, словно усиленных чем-то. Отшатнулся. Старуха не преследовала, лишь покачивалась на месте, ее белесые глаза были устремлены в пустоту, губы шевелились, повторяя:

- Синяя... синяя...

Дима бросился бежать, оглядываясь. Ее фигура быстро растворилась в серой массе пешеходов и неоновых бликов. Синяя голова? Мысль пронеслась, как искра. Его собственный дешевый имплант? Глюк системы? Или эта старуха – один из городских псиоников, ловящих обрывки чужих нейрошумов, видящих то, чего нет? В этом городе всё было возможно.

Он бежал, пока не ворвался на площадь. Островок искусственного порядка среди хаоса. Здесь высились башни настоящих корпоративных богов – гладкие, как черный лед, устремленные в вечно серое небо.

Сердце Ново-Москвы было чудовищем из стекла, неона и титанового сплава. Архитектура мегаполиса говорила на языке тотальной власти и безраздельного контроля: корпоративные небоскребы-ульи, похожие на гигантские кристаллы черного обсидиана, впивались в вечно затянутое смогом небо. Их фасады, большую часть времени глухие и безликие, к ночи оживали, превращаясь в гигантские голографические экраны. На них непрерывным потоком шли корпоративные промо, новости, отфильтрованные цензурой, и биржевые котировки, а логотипы гигантов вроде «К-Био» — стилизованная орхидея, сплетенная из цепочек ДНК — доминировали над всем, словно новые божества.

Самым сюрреалистичным элементом центра был купол над Москвой-рекой. К 2060-м чистая вода стала стратегическим ресурсом дороже любой криптовалюты. Чтобы защитить последний источник питьевой воды от смога, кислотных осадков и промышленного загрязнения, реку заключили в гигантскую прозрачную био-полимерную трубу. Издали она выглядела как хрупкая стеклянная галерея, лежащая в стальном русле мегаполиса. Внутри царила искусственная идиллия — освещенная голограммами солнца чистая вода, по берегам — зелень, доступная лишь для владельцев пропусков высшего уровня. Для подавляющего большинства горожан река была лишь призрачным видением, недоступным артефактом из прошлого, за которым они наблюдали сквозь непроницаемый купол.

Пересекал это чудо инженерной мысли мост «Нео-Багратион». Его предшественник, старый мост Багратион, не выдержал натиска нового времени — многолетней коррозии от кислотных дождей, перепадов температур и постоянных вибраций от сверхнагрузки. Стальные конструкции и бетон XX века оказались не приспособлены к агрессивной среде будущего. Обрушение секций моста стало символом конца старой эпохи.

Нео-Багратион был его полной противоположностью. Это был не мост, а многоуровневая артерия из светящегося углепластика и титанового сплава. Он не просто пересекал галерею, а интегрировался в неё, пронзая насквозь через герметичные шлюзы. По его верхнему уровню неслись скоростные маглевы, по среднему — поток наземного транспорта, а по нижнему, застекленному и охраняемому, могли прогуливаться избранные, наслаждаясь видом на воду, которую нельзя было потрогать. Ночью мост превращался в светящийся биомеханический организм, его контуры подчеркивала динамическая неоновая подсветка, а сенсоры и камеры наблюдения отслеживали каждое движение на нем.

Повсюду, как рои механических насекомых, сновали дроны. Курьерские, полицейские, рекламные — их стройные построения прорезали воздух, отбрасывая быстрые тени на фасады зданий. Воздух был насыщен гулом их моторов, смешанным с воем сирен, шипением дождя, растворяющегося в смоге, и далекими ритмами агрессивного электропанка, доносящимися из подпольных баров.

Центр Ново-Москвы не был городом для людей. Он был монументом, возведенным корпоратократией в честь самой себя — холодным, блестящим, неумолимым и бесконечно одиноким в своем неоновом великолепии.

Дима остановился, переводя дух. Поправил галстук — провод. Одёрнул пиджак, пытаясь скрыть пятно от кофе и разводы грязи. Глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь в руках. Портфель снова взял в руку — символ надежды, такой же хрупкий, как он сам.

Его цель возвышалась среди прочих. Башня «Комплексных Биотехнологий». На фасаде, вместо латуни, плыла огромная голограмма: изысканная орхидея, лепестки которой были сплетены из двойных спиралей ДНК, мерцающих холодным синим светом. Логотип. Знак силы и тайны.

История «Комплексных Биотехнологий» — это не хроника научных открытий, а учебник по безжалостной корпоративной стратегии, написанный кровью, ДНК и чипами. Она началась не с прорыва в геной инженерии, а с гениального предвидения ее основателей: будущее принадлежит не государствам, а тем, кто сможет контролировать саму жизнь — ее продолжительность, качество и, в конечном счете, ее смысл.

В эпоху, предшествовавшую Смягчению, К-Био было лишь одним из многих стартапов, работавших на стыке биологии и информатики. Их первым продуктом стал не новый антибиотик, а «Нейро-трейсер» — чип для мониторинга эмоционального состояния сотрудников, продававшийся как «инструмент для повышения корпоративного благополучия». Он провалился на свободном рынке, но стал золотым ключиком. К-Био использовала собранные данные, чтобы шантажировать и выкупить за бесценок три конкурирующие компании, чьи сотрудники «недостаточно лояльны» по версии их же собственных чипов. Их логотип — утонченная орхидея, вплетенная в двойную спираль ДНК, — впервые появился в те дни. Он был создан, чтобы вызывать доверие, маскируя хищную сущность компании под оболочкой эстетики и науки.

Когда мегаполисы накрыл ядовитый смог, К-Био была готова. Пока другие боролись с последствиями, они предложили причину: «Био-щит» — генетически модифицированные бактерии, которые должны были очищать атмосферу. Проект провалился с катастрофическими последствиями, лишь усилив смог, но публике представили иное: К-Био — единственная компания, которая пытается спасти человечество.

Используя политический капитал, заработанный этим «героическим провалом», и армию лоббистов, К-Био протолкнула через ослабленное правительство «Акт о Биобезопасности». Этот акт передавал компании монополию на все работы по «атмосферной регенерации» и «геной санации» в Ново-Москве. С этого дня любая попытка конкурентов работать в сфере биотехнологий требовала лицензии К-Био. Лицензии, которую они не выдавали никому.

Следующие два десятилетия стали эрой безудержного поглощения. К-Био действовала по простой схеме:

1. Удушение: С помощью «корп-секов» и кибер-шпионажа они находили компромат на руководство компаний-конкурентов или их ключевых ученых.
2. Саботаж: их хакеры выводили из строя производственные линии, а биологические конкуренты поражали «случайные» утечки вирусов.
3. Враждебное поглощение: когда акции жертвы падали, К-Био скупала их через подставные фонды.

Так в их империю вошли фармацевтические гиганты, производители имплантов, агро-концерны (для контроля над синтетическим питанием) и, что важнее всего, несколько частных военных компаний. Последние были преобразованы в Корпоративную Службу Безопасности (КСБ) — «корп-секов», которые стали настоящей силой в городе, затмив официальную полицию.

Сегодня К-Био — это государство в государстве, и ее ресурсы почти безграничны:

- Биотехнологический арсенал: от дешевых «эликсиров» для низов, вызывающих привыкание, до персонализированных терапий бессмертия для элиты. Они контролируют банки генетического материала, клонируют органы и ведут эксперименты по созданию кибернетических гибридов в секретных лабораториях, таких как DAF-16.

- Информационная монополия: Их нейроинтерфейсы и чипы стали стандартом де-факто. Через них они осуществляют тотальный мониторинг настроений, мыслей и лояльности населения. Их сеть — это контролируемое цифровое пространство, где любое инакомыслие вычисляется и удаляется на стадии нейро-импульса.

- Военная мощь: КСБ — это не просто охрана. Это киборги с тактическими нейросетями, подразделения кибер-психологов, флотилии дронов-убийц и экспериментальное оружие, вроде роботов-минитанков.

- Политическое доминирование: через агентов влияния» они курируют всю политическую и судебную элиту города. Ни одно значимое назначение в Ново-Москве не происходит без их одобрения.

Став главной силой в Ново-Москве, К-Био не остановилась. Ее аппетиты растут. Проект «Единая Земля» — это не метафора, а план по распространению их био-технократической диктатуры на всю планету, где колодцы станут порталами их власти, а человечество — отлаженным ресурсом в системе, где логотип с орхидеей будет последним, что увидят глаза человека перед окончательным отключением.

Дима подошел к массивным воротам из черного полированного сплава. Они бесшумно разъехались перед ним, впуская в стерильный холод холла. Воздух здесь пах озоном и антисептиком, звуки улицы мгновенно отсекались.

Он подошел к стойке администратора. За ней сидел не просто дежурный. Это был охранник. Мощный, в черной униформе корпоративной безопасности с едва заметным броневым усилением под тканью. На поясе — не пистолет, а компактный шокер-подавитель. Его глаза, лишенные эмоций, сканировали Диму через встроенные в очки сканеры. Лицо было частично скрыто под капюшоном униформы, но Дима почувствовал на себе тяжелый, оценивающий взгляд.

– Мне назначена встреча, – проговорил Дима, голос звучал хрипло от напряжения. Он протянул охраннику визит-плейс — тонкую пластину из матового карбонового пластика, на поверхности которой мерцал логотип корпорации-пригласителя.

Охранник молча взял пластик, его взгляд, усиленный тактильными линзами в очках, не отрывался от Димы. Каждая деталь — от частоты дыхания до микродерматитов века — анализировалась в реальном времени.

– Паспорт, – произнес он ровным, лишенным интонации тоном. Это был не вопрос и даже не просьба. Автоматический алгоритм безопасности, озвученный человеческими голосовыми связками.

Дима кивнул, рука потянулась к внутреннему карману поношенного пиджака. Его пальцы нащупали жесткий, ребристый край биометрической карты — потрепанного прямоугольника из того же матового карбонового пластика, с тускло поблескивающим чипом под почти стертым защитным слоем. Артефакт эпохи компромиссов.

Еще в конце 2030-х все физические удостоверения канули в лету. Цифровая идентификация через чипы, вшитые под кожу при рождении или первой регистрации, казалась идеалом: быстро, удобно, неистребимо. До тех пор, пока в 2053-м не восстала и не была едва усмирена система глобального контроля «Прометей». Ее кратковременный, но чудовищный сбой привел не только к отключению миллионов имплантов, но и к массовым цифровым «смертям» в базах данных, превратив людей в призраков без истории и прав. А затем пришли хакеры из цифрового андеграунда, научившиеся переписывать чипы и красть идентичности с изяществом виртуозов. Система, созданная для тотального контроля, дала трещину.

Ответом стал «Закон о верифицируемой физичности». Электронные чипы остались — их сканирование было слишком глубоко вшито в логику городской инфраструктуры. Но теперь каждый гражданин обязан был иметь при себе физический дубликат идентификатора — карту, браслет или имплант-криптоключ, изготовленные из особых композитных материалов, устойчивых к электромагнитным импульсам и оснащенных аналоговыми элементами защиты. Уровень паранойи породил новую эстетику: тяжелый карбоновый пластик, сканируемые нановолокна в браслетах, примитивные, но невзламываемые оптические шифры.

Охранник взял потрепанную карту Димы, не скрывая легкой гримасы брезгливости — она явно была из самых дешевых, доступных обитателям «подкуполья». Он вставил ее в слот на столе, где физический чип карты соприкоснулся с контактами. Одновременно невидимый сканнер с низкой интенсивностью запросил данные с подкожного чипа Димы в районе запястья, сравнивая два потока информации.

На мониторе охранника всплыли данные — скупые строки тусклого зеленого текста на черном фоне: имя, номер ID, уровень доступа, последние места регистрации. Сверка. Сканеры в его очках еще раз проехали по лицу Димы, сверяя тепловую карту капилляров, расстояние между зрачками и микроскопические шрамы с эталоном в базе.

Раздался короткий, сухой щелчок — звук физического механизма, отпускающего блокировку. Турникет рядом зажегся не просто зеленым светом, а мягким сфокусированным лучом сканера радужной оболочки. Третий, финальный этап. Дима наклонился, чувствуя, как луч скользнул по его глазу, на мгновение ослепив. Еще один щелчок, на этот раз более мягкий. Путь был открыт.

Система, прошедшая через огонь и цифровой хаос, больше не доверяла ничему одному: ни чипу, который можно взломать, ни карте, которую можно украсть, ни лицу, которое можно подделать голопроекцией. Она доверяла только их сумме, их болезненному, медленному совпадению. И это делало каждый вход в зону контроля мучительно долгим ритуалом.

- Проходите, г-н Соболев. Присаживайтесь, — охранник кивнул в сторону зоны ожидания. Его голос не изменился. - За вами спустятся.

Дима прошел к журнальному столику из черного стекла, окруженному несколькими креслами, напоминавшими скорее эргономичные коконы. Себя он чувствовал букашкой под микроскопом. Взял первый попавшийся журнал — глянцевого буклет о последних достижениях «К-Био» в области генной терапии. Яркие картинки идеальных людей и генномодифицированных орхидей плыли перед глазами, не задерживаясь. Его нейроимплант снова занял слабой, навязчивой волной. Падение... искры... синий свет...

Шипение пневматики. Двери одного из лифтов растворились. Из него вышла девушка. Секретарь. Черный, идеально скроенный костюм, безупречный макияж, волосы убраны в тугую, без единой волосинки, узел. Ее движения были точными, экономичными. На висках — те же тонкие линии имплантов, что и у девушки из лимузина, но здесь они выглядели как часть образа, а не скрытая угроза. Она подошла к Диме.

- Дмитрий Николаевич Соболев? — ее голос был приятным, но лишенным тепла, как синтетический подсластитель.

Дима вскочил, роняя журнал.

- Да, я.

- Пойдемте со мной, пожалуйста. Вас ожидают, - Ни улыбки, ни намек на интерес. Она развернулась и пошла к лифту. Дима последовал, чувствуя, как капли дождя с его одежды оставляют темные следы на идеально чистом полимерном полу.

Лифт был капсулой из матового стекла. Девушка нажала кнопку. Дима посмотрел на нее. Безупречная, как андроид. Она смотрела прямо перед собой на закрытые двери, ее лицо было бесстрастной маской. Лифт плавно понесся вверх. Тишину нарушал лишь едва слышный гул двигателей и навязчивый шум в собственной голове Димы. Колодец... темнота... падение...

Лифт остановился. Двери открылись. Они вышли в длинный, широкий коридор. Стены – матовое стекло, за которым мерцали неясные тени лабораторий или офисов. Пол – темный, поглощающий звук. Секретарь шла быстро, ее каблуки не издавали ни звука. Они миновали несколько одинаковых, непрозрачных дверей с голографическими табличками: «Отдел Исследований Геномной Стабильности», «Лаборатория Синтетической Нейробиологии». Наконец, она остановилась у двери с табличкой «Переговорная №2».

- Проходите, Дмитрий Николаевич, – она открыла дверь, пропуская его вперед.

Дима шагнул внутрь. Комната была просторной, холодной. Посредине – большой стол из черного стекла. На столе – пульт управления. На одной стене – огромный экран. По нему беззвучно двигались картинки новостного канала. Диктор что-то говорил, но звук был приглушен до шепота. В углу стояла подставка с какими-то генномодифицированными растениями, излучавшими слабый, неестественный свет. Жалюзи на окне были опущены. Под ногами – мягкое, ворсистое покрытие, глушащее шаги. Дима сел на стул, прислушиваясь к обрывкам новостей из телевизора.

- ...комета с кодовым обозначением P/1934 03-C, получившая имя "Блек Оркид"... приближается по опасной траектории... ученые не исключают тесного сближения с Землей...

Дверь открылась. Вошла Ксения Горская (именно это имя загорелось на прозрачной панели переговорной, рядом с именем Димы). В руках – папка из черного композитного материала. Дима вскочил так резко, что чуть не опрокинул стул. Успел схватить его за спинку. Ксения Горская была воплощением корпоративной мощи, выкованной из амбиций и холодной стали. Ее безупречный костюм был не одеждой, а доспехом. Взгляд, острый и оценивающий, за секунду сканировал комнату, находя уязвимости. Она молча подошла к столу, взяла пульт. Изображение на экране погасло, как будто она перерезала ему горло. Наступила тишина, нарушаемая лишь едва слышным гудением систем здания — звуком машины, частью которой она стала.

Ксения Горская поднялась из рядовых референтов до главы Департамента подбора персонала за рекордные семь лет. Ее карьера — не история везения, а хрестоматийный пример тотальной воли и расчета.

Ее восхождение было стремительным и беспощадным. Она не оставляла за собой выжженную землю — она оставляла карьерные руины тех, кто осмеливался встать на ее пути. Цель для нее была единственным божеством, и она приносила ему в жертву все: личную жизнь, репутации коллег, устоявшиеся правила. Она не шла к вершине — она взбиралась по головам, и в ее глазах читалась готовность сделать это снова. Она не строила карьеру, а вела войну, где должности были трофеями, а конкуренты — разменной монетой.

Горская повернулась к Диме. Легкая, почти незаметная улыбка тронула ее губы. Не теплая. Профессиональная.

- Добрый день, Дмитрий Николаевич! – ее голос был гладким, уверенным. Она протянула руку. - Меня зовут Ксения. Я руковожу службой подбора персонала компании «Комплексные Биотехнологии».

Холод ее пальцев, когда Дима осторожно пожал руку, был как прикосновение металла.

- О-о-чень приятно! – выдавил он.

- Садитесь, пожалуйста. - Она сама заняла место напротив. Дима опустился в кресло, чувствуя, как его дешевый пиджак съезживается на нем.

- Дмитрий! Можно, я буду называть вас по имени? —спросила она, разглаживая невидимую складку на столе.

- Да, конечно, – кивнул Дима. Его горло пересохло.

Ксения открыла папку. Ее пальцы скользнули по стопке нанораспечаток. Улыбка стала чуть шире, но глаза оставались холодными, сканирующими.

- Дмитрий, мы, можно сказать, очарованы результатами ваших тестов. - Она перелистнула страницу. - У вас обширные профессиональные знания, очень высокий IQ, безупречная репутация с точки зрения службы безопасности, аналитический склад ума.

Дима смущенно потупился.

- Спасибо... Я...

- Благодарить можете только себя. И свои гены, – она коротко, беззвучно рассмеялась. Звук был сухим, как шелест бумаги. - Дмитрий, я – начальник HR-службы. Мое слово последнее и решающее. И я говорю вам "Да". Можете выходить на работу с понедельника.

Слова повисли в стерильном воздухе переговорной. Шанс. Спасение. Путь из грязи неоновых улиц в эту стерильно-чистую крепость. Дима почувствовал, как что-то сжимается у него внутри. Не только радость. Что-то холодное, как взгляд Ксении. Как мерцание логотипа-орхидеи за окном. Как воспоминание о колодце и старухе, шипящей о "синей голове". Но он загнал этот холод глубоко внутрь. Сегодня он выиграл.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.